

Александр Павлович Люсий –

старший научный сотрудник Российского института культурологии, член Комиссии по социальным и культурным проблемам глобализации Научного совета «История мировой культуры» при Президиуме РАН

Сырьевой потлач

В свое – собственно олимпийское – время значимое воздействие Олимпиад на развитие всех сфер греческой жизни проявилось сразу же. Это воздействие охватило и религиозную жизнь (олимпизм способствовал созданию общегреческой так называемой олимпийской религии), и политику (идея священного перемирия – эхехерия – прекращение всех военных конфликтов во время состязаний, объединение страны), и экономику (развитие общенационального рынка), а также общественную мысль и мораль. В искусстве Олимпиады утверждали образ калокагатии (прекрасная душа в прекрасном теле), в политической жизни внедряли полисное гражданское демократическое мировоззрение.

К религии мышечной силы

Богов можно было ублажить, принеся им в дар музыку, танец, поэзию, драматическое представление или атлетическое состязание. Однако спорт не стал видом искусства наравне с музыкой, танцем, поэзией или

драмой. В той мере, в какой древнегреческие атлетические празднества были религиозным ритуалом и артистическим выражением, они переставали быть спортом в современном понимании.

Исследователи также указывают на генетическую близость спортивных состязаний и погребальной обрядности. Взять хотя бы игры, устроенные Ахиллом после погребения Патрокла. По мнению культуролога Вадима Михайлина, это был способ праздничного перераспределения удачи и в то же время способ ритуального восстановления справедливости и «очистки» места. Знаменательной стала история с сыном Танта Пелопсом (давшем имя полуострову Пелопоннесу), который выиграл преступным путем в соревнованиях с Эномаем его дочь Гипподамию и землю, а затем учредил для «очистки» проклятого «наследства» раз в четыре года игры, ставшие Олимпийскими.

Согласно другим вариантам мифологии, игры учредил либо Геракл, либо сам Зевс в знак победы над своим кровожадным отцом Кроносом (а Геркал

лишь возобновил их в 776 г. до н. э., победив жестокого царя Авгия и установив четырехлетний цикл). Общий мотив один — все известные игры (к примеру, Пифийские) учреждались и проводились в местах, пограничных между различными, нередко враждебными территориями. Олимпия расположена на границе между Элидой и Аркадией и представляла собой арену затяжных боевых действий между элидянами, аркадянами и лаконскими дорийцами. Сочи — тоже на аналогичной границе...

Окажись современный зритель на настоящем античном состязании, вряд ли ему было бы там так же уютно, как при созерцании прекрасных античных статуй в музее. Античные игры отличались высоким уровнем физической жестокости, что тогда отнюдь не воспринималось как нарушение каких-то правил.

Примером может послужить панкратий (*pancratium*), объединявший борьбу и бокс. По уровню допустимой жестокости панкратий сильно отличался от позднее разделившихся вольной борьбы и бокса. Так, Леонтис из Мессины, дважды выигрывавший на соревнованиях по борьбе в первой половине V в. до н. э., получил олимпийскую корону не за победы, а за то, что он, бросая своих противников, ломал им пальцы. Аррахион из Пигалии, дважды олимпийский победитель в панкратии, в 564 г. до н. э. был задушен во время его третьей попытки выиграть олимпийскую корону. Впрочем, перед смертью ему удалось сломать своему противнику палец ноги, и тот от боли вынужден был сдаться. Судьи объявили Аррахиона победителем посмертно, а соотечественники впоследствии установили его статую на рыночной площади.

Да, участник соревнований должен был считаться с рис-

Бронзовые фигуры из Риаче. V век до н. э.

В искусстве Олимпиады утверждали образ калокагатии (прекрасная душа в прекрасном теле), в политической жизни внедрили полисное гражданское демократическое мировоззрение.

ком быть убитым или раненым. В панкратии конкуренты боролись каждой частью тела — руками, ногами, локтями, коленями, шеями и головами. В Спарте они использовали как оружие ноги. В панкратии противникам позволялось выдавливать друг другу глаза, ставить подножки, хватать за ногу, нос и уши, ломать пальцы и руки, применять удушение. Если кому-то удавалось повалить противника, он имел право сидеть на нем и бить его по голове, лицу и ушам, пинать и топтать его.

Судья при этом всегда присутствовал, но не устанавливал для подобных действий никакого ограничения по времени. Борьба продолжалась, пока один из противников не сдавался. Правила были традиционные, неписанные, недифференцированные и в своем применении гибкие. Рисунки на греческих вазах, по наблюдению Норберта Элиаса, изображают боксеров в традиционной позиции близко друг к другу — так, что каждый расположен впереди, рядом или даже позади другого.

Знаменательной стала история с сыном Тантала Пелопсом (давшем имя полуострову Пелопоннесу), который выиграл преступным путем в соревнованиях с Эномаем его дочь Гипподамию и землю, а затем учредил для «очистки» проклятого «наследства» раз в четыре года игры, ставшие Олимпийскими.

Это оставляет мало возможностей для работы ног, что играет важную роль в современном боксе, позволяя боксерам быстро перемещаться, уклоняться от удара. У греков, согласно кодексу воина, это вело к позору. Боксеры, подобно воинам, должны выдерживать драку, а не уступать дорогу. В таком агональном типе бокса победа или поражение являлись кульминацией, и этот решающий миг составлял самую существенную часть состязания. Результатом нередко были серьезные повреждения глаз, ушей и даже черепа. Известна история о двух боксерах, которые согласи-

лись обмениваться ударом на удар без защиты. Первый был поражен ударом по голове, которая, однако, осталась без серьезных повреждений. Когда второй противник понизил бдительность, другой ударил его под ребра вытянутыми пальцами, разорвал кожу, вытащил внутренности и тем самым убил его.

В таком виде — с некоторой вариацией стандартов жестокости — Олимпийские игры существовали более тысячи лет. По образу греческого образовался римский атлетический спорт, хотя гладиаторские бои проходили в ином стиле (не агонального ритуала,

а зрелища). На цирковых аренах люди, вооруженные короткими мечами, сражались с другими людьми, вооруженными сетями и трезубцами, или люди сражались против зверей. Аудитория разжигалась и самыми невероятными зрелищами, введенными с легкой руки безнравственных императоров. Так, в 90 г. н. э. император Домициан начал тешить публику боями карликов с женщинами. Гладиаторы были почти поголовно рабами, а не гражданами, и это представляло полную противоположность гражданскому пафосу древнегреческого спорта. В обоих случаях игры были привилегией мужчин. Не лишённую своих противоречий борьбу христианства против публичных игр начал император Константин специальным эдиктом, в котором предписывалось «запретить безумие жертвоприно-

Панкратион. Деталь килика из Вульчи. 490–480 годы до н. э.

шений». Приходилось все же учитывать выработавшуюся в Риме страсть народа к зрелищам. Так, император Грациан своим эдиктом разрешил в Африке состязания атлетов и объявил, что «не следует ограничивать общественные забавы, но наоборот надо побуждать народ выражать свою радость, так как он счастлив». Запретив одно из празднеств, император Аркадий заявил, что «он не враг зрелищ», что «он не желает повергнуть государство в уныние, отменяя их». Список победителей Олимпийских игр обрывается 359 г., после некоторого перерыва продолжается, завершаясь 291-й Олимпиадой 385 г. на имени армянского царя Варздата — победителя в состязании по кулачному бою.

Средневековое мышление оставляло мало времени и места для физических упражнений. Спорт все же развивался в русле феодального неравенства. Так, специальными королевскими указами 1388 и 1410 гг. слугам и работникам было запрещено играть в придвор-

Античные игры отличались высоким уровнем физической жестокости, что тогда отнюдь не воспринималось как нарушение каких-то правил.

ный теннис — прообраз нашего тенниса. Игра должна была оставаться удовольствием двора и аристократии. Классовая принадлежность стала значить больше, чем пол: женщины-аристократки к игре в теннис допускались.

Утверждение спорта как явления культуры зафиксировано в европейских языках примерно в 1820–1840-х гг. Тогда в публичный обиход вошло само слово «спорт». Оно имело массу разнообразных смыслов, в данном случае сводившихся к значению развлечения. Родиной массового спорта стала Великобритания с ее футбольными и атлетическими объединениями. Британские спортивные клубы, как отмечает социолог Борис Дубин, возникали в 1810-е гг., причем прежде всего в колониях, став там механизмом сплочения представителей метрополии в инокультурном окружении, а

состязания — ритуалами их верности смыслам и символам далекого «центра». Культурные истоки британского спорта таятся либо в традиционных, «народных», «местных», нередко — молодежных (то есть социализационных и инициационных) играх, связанных с праздничной обрядностью, либо в закрытых аристократических состязаниях, ритуалах сословной принадлежности, кодифицированных и универсализированных теперь до соревнований региональных, профессиональных клубов и сообществ. Отсюда — популярность и престиж таких видов спорта, как регби, гребля, бокс, футбол, теннис, скачки.

Спортивный революционер Пьер де Кубертен считал такой спорт, возникший в Англии и успешно сочетавший индивидуальное и коллективное начала, наилучшим средством

оздоровления человечества, в частности, противопоставив вырождению декаданса «новое здоровье». Возрождая в 1896 г. Олимпийские игры, он стремился дать миру новую, современную религию — олимпийскую идею. Такая биополитическая «религия мышечной силы» (Томас Алкемайер) должна была дать новые ориентиры человечеству, сбитому с толку ростом скоростей и разочарованному падением морали. Кубертен выступал против участия женщин в соревнованиях, что также восходит к британскому (викторианскому) восприятию женственности как нежности, нуждающейся в особо бережном отношении.

Получился мало похожий на оригинал клон, имевший, по словам Вадима Михайлина, к Олимпийским играм VIII—VI вв. до н. э. такое же отношение, какое новенький голливудский блокбастер «Троя» — к Гомеру или к реальным историческим событиям конца XIII в. до н. э. К примеру, древнего грека поставил бы в полный тупик сам термин «олимпийский рекорд». Ведь призывы «быстрее, выше, сильнее» для греков были категориями сугубо относительными, не имея выражения в конкретных единицах времени, длины или веса. Даже если бы сам этот лозунг, творчески переснятый бароном де Кубертеном с лозунга еще одного либерального и масонского исторического ориентира — Французской революции, — был бы каким-либо образом известен грекам, они не стали бы стоять у финиша с секундомером или тогдашними водяными часами — клепсидрой.

Стремясь аристократически разделять спорт и политику, Кубертен оказался рядом с Гитлером на берлинском стадионе, открывая летние Олимпийские игры 1936 г., став-

шие триумфом нацистской пропаганды (спорт в Третьем рейхе был подчинен ведомству Геббельса). Нереализованным остались его проекты включения в Олимпийские игры пяти художественных конкурсов — произведений архитектуры, скульптуры, живописи, музыки и литературы, как и план последующие игры поселить навсегда именно в Германии. Практически незамеченным осталось и выступление против кубертеновского олимпизма как такового Жоржа Эбера — автора книги с говорящим названием «Спорт против физкультуры». (Деятель неспортивной физкультуры Юрий Новиков излагает ее резюме таким образом: «Физкультура — для здоровья, спорт — за счет здоровья».)

Возведение в степень с последующим извлечением сверхприбыли

Коренные исторические метаморфозы спорт претерпевает в массовом, переходящем в глобальный социуме между Второй мировой войной и началом 1970-х. В это время состоялся переход от спорта-участия к спорту-зрелищу, или от спорта любителей через спорт делегируемых представителей социума (района, города, страны) к спорту наемных (оплачиваемых) профессионалов. В результате стали стремительно нарастать противоречия между идеалами и конкретной практикой самого олимпийского движения с ее дегуманизацией и технократизацией спорта.

Как извлекает смысловой корень из современной спортивно-антифизкультурной ситуации Умберто Эко в эссе «Болтовня о спорте», «спорт в квадрате равняется спортивному представлению», как бы конкретизируя идею Ги Дебо-

ра, что в обществах, достигших современного уровня развития производства, вся жизнь проявляется как огромное нагромождение спектаклей.

Если спорт (которым занимаются) — это здоровье, подобно принятию пищи, то спорт, который смотрят, — это инструмент по вытягиванию здоровья. «Когда я смотрю, как играют другие, я не делаю ничего полезного для здоровья, я лишь получаю смутное наслаждение, наблюдая за здоровьем других (что само по себе было бы грязным вуайеризмом, подобно наблюдению за тем, как другие занимаются любовью). На самом деле то, что приносит мне наслаждение, — это по большей части несчастья, которые постигнут тех, которые упражняются с пользой для здоровья, болезнь, которая подорвет это здоровье (как если бы кто-то наблюдал не за людьми, а за двумя занимающимися любовью пчелами, предвкушая сцену гибели трутня)».

То есть Умберто Эко как бы синтезирует взгляды Эбера и Ги Дебора. Действительно, тот, кто смотрит спорт в исполнении других, приходит по ходу просмотра в возбужденное состояние и таким образом выполняет физические и психологические упражнения, выплескивает свою агрессивность и дисциплинирует свой соревновательный дух. Однако такая редукция не компенсируется, как в случае самоличных упражнений в спорте, возросшей энергией или приобретаемым контролем и самообладанием.

«С другой стороны, — продолжает Эко, — ведь для атлетов соревнование — игра, а вуайеристы соревнуются всерьез (и действительно, они избивают друг друга или умирают от остановки сердца прямо на трибуне). Что касается дисциплины соревновательного духа, в слу-

чае спорта как упражнения она имеет два аспекта: способствует росту человеческих качеств и их утрате. В случае же атлетического вуайеризма она имеет лишь один аспект — негативный».

Согласно своей философской клепсидре, считает Эко, «спорт в квадрате» (включающий в себя ставки на тотализаторе и бартер, продажу и принудительное потребление) порождает спорт в кубе — обсуждение спорта как чего-то, что смотрят. Изначально это обсуждение, которое ведется спортивной прессой, но впоследствии оно порождает обсуждение самой спортивной прессы, то есть спорт, возведенный в n-ную степень. Обсуждение спортивной прессы представляет собой «дискурс о дискурсе наблюдения за тем, как другие занимаются спортом».

Такая «болтовня о спорте» создает иллюзию интереса к самому занятию им. Понятия «быть спортсменом» и «говорить о спорте» смешиваются, болтун мыслит себя атлетом и уже не отдает себе отчета в том, что ему им в реальности не быть. Точно так же он не отдает себе отчета в том, что он уже и не мог бы заниматься спортом, ведь работа, которую он делает, когда не занят болтовней, утомляет его, поглощает одновременно его физическую энергию и время, необходимое для занятия самим спортом.

«Возникнув в результате возведения в n-ную степень изначальной (и рациональной) растраты, то есть спорта как рекреационной деятельности, болтовня о спорте стала прославлением Растраты и тем самым апогеем Потребления, — делает вывод Эко. — Слушая ее и участвуя в ней, существуя внутри потребительской цивилизации, человек потребляет самого себя, а также всякую возможность тематизировать или поставить под вопрос то

Адольф Гитлер и Пьер де Кубертен (второй справа) приветствуют олимпийский огонь в 1936 году

Стремясь аристократически разделять спорт и политику, Кубертен оказался рядом с Гитлером на берлинском стадионе, открывая летние Олимпийские игры 1936 г., ставшие триумфом нацистской пропаганды.

принудительное потребление, к которому он приглашается и которому одновременно подлежит. Будучи пространством тотального неведения, болтовня о спорте формирует идеального гражданина, делая это столь основательно, что в крайних случаях (а таких мно-

го) он отказывается обсуждать, почему его время изо дня в день заполнено пустыми обсуждениями. И поэтому ни один политический призыв не мог бы оказать воздействие на эту практику, которая сама является тотальной фальсификацией любых политиче-

Умберто Эко:

«Когда я смотрю, как играют другие, я не делаю ничего полезного для здоровья, я лишь получаю смутное наслаждение, наблюдая за здоровьем других. На самом деле то, что приносит мне наслаждение, – это по большей части несчастья, которые постигнут тех, которые упражняются с пользой для здоровья, болезнь, которая подорвет это здоровье (как если бы кто-то наблюдал не за людьми, а за двумя занимающимися любовью пчелами, предвкушая сцену гибели трутня)».

ских отношений. Ни один революционер не осмелился бы начать революцию против заполняющей все болтовни о спорте; гражданин поглотил бы протестное движение, превратив его лозунги в болтовню о спорте или внезапно, с отчаянным недоверием отвергнув навязывание разума своим разумным выполнением высококорациональных вербальных правил».

Уточним, что в последние годы во всех цивилизованных странах заменителем традиционной физкультуры стал фитнес. Это слово образовано от английского *fit*, первое значение которого – пароксизм, припадок, обморок, приступ болезни, острая форма переживания гнева или отчаяния. Многие виды занятия фитнесом, по наблюдению

Юрия Новикова, действительно похожи на острую форму переживания гнева или приступ внезапной активности. Тем самым физкультура трансформируется в процесс азартного развлечения, острого переживания радости или безрассудного веселья – сродни методам некоторых тоталитарных сект. Это вполне вписывается в мифологию и утопию искусственного, отчужденного тела, включая изменение пола или даже обретение внематериальных черт и свойств, что параллельно развивается в массовой культуре, особенно в визуальных искусствах. Впрочем, все это, по мнению Бориса Дубина, можно рассматривать в контексте коллективного воображения модерновой эпохи с самого ее начала и на всем про-

тяжении (от «Франкенштейна» и «Голема» до нынешнего реплицируемого «Терминатора»).

Именно такой спорт стал важной частью современной политики и экономики. Джон Кеннеди прямо заявил: «Часть национального престижа завоевывается на Олимпийских играх». Ему же приписывают фразу: «Престиж нации – это полет на Луну и золотые олимпийские медали». Не менее содержательно высказался Джеральд Форд: «При нынешнем состоянии системы массовых коммуникаций спортивный триумф является не менее эффективным способом поднять дух нации, чем, скажем, победа на поле сражения». Конец 1980-х был ознаменован «абсолютным мировым рекордом» использования спорта в политических целях – правительство Южной Кореи с помощью Олимпийских игр в Сеуле добилось выхода из многолетней политической изоляции. В это время президентом Международного олимпийского комитета был чемпион олимпийского политиканства маркиз Дон Хуан Антонио Самаранч-и-То-

релью, который имел фашистский стаж вдвое больший, чем у Гитлера или Муссолини, что не помешало ему попасть на крючок КГБ при попытке нелегального вывоза антиквариата из СССР.

В мировой экономике профессиональный спорт стал сферой, коммерчески выгодной. Это разветвленная система бизнеса, которая функционирует на рыночных принципах, финансируется за счет продажи прав на показ, рекламы, торговли атрибутикой и приносит прибыль.

В России ничего этого нет. «Более того, — пишет публицист Михаил Бойко, — в России в последние годы наблюдаются снижение посещаемости стадионов и сооружений болельщиками и параллельное уменьшение зрительской аудитории спорта на телевидении. На это обыкновенно отвечают: надо еще больше увеличить финансирование элитного спорта! А действительная причина в том, что бедным россиянам неинтересно, как миллионеры лениво перекатывают мяч по полю. Просто спрос на услуги профессионального спорта в России объективно ниже существующего предложения». Может быть, периодические рекорды способствуют распространению массового спорта? Увы, несмотря на непрестанные вложения в профессиональный спорт, сегодня систематически занимаются физической культурой и спортом менее 8 процентов россиян — гораздо меньше, чем в западных странах. Таким образом, приходит к выводу Бойко, профессиональный спорт в России существует не ввиду его рентабельности и не по причине большого числа болельщиков, а как инструмент легитимизации власти в общественном сознании. Здесь еще сохраняется память о советских спортивных побе-

дах. Однако советский спорт был основан на нерыночных принципах — не было ни астрономических зарплат, ни иностранных тренеров ценой в скважину, и именно поэтому относительно бедный СССР мог некоторое время конкурировать с капиталистическими странами на спортивных площадках. Нынешняя Россия не может поддерживать такой уровень спортивных притязаний с помощью рыночных механизмов. Но сырьевые нефтедоллары позволяют для отмыкания власти накачивать мыльный пузырь под названием «российский профессиональный спорт». Так функ-

Джеральд Форд:

«При нынешнем состоянии системы массовых коммуникаций спортивный триумф является не менее эффективным способом поднять дух нации, чем, скажем, победа на поле сражения».

ционирует своеобразный потлач, как североамериканские индейцы называли раздаривание богатств и излишков в стремлении продемонстрировать свое могущество. В нашем случае имеет место сырьевой потлач.

Большой бренд-скачок

Какова же степень истинности/неистинности Сочи-2014 в описанном средоточии «ложного сознания», носителем которого является основная масса прилипших к экранам современных человеческих организмов, и в реально функционирующей на этой основе глобальной символической экономике?

По словам культуролога Наталии Кожиной, во-первых, Олимпийские игры — это самая эффективная из всех возможных PR-кампаний развития региона, причем не столько на стадии соперничества заявок, сколько на стадии подготовки к событию. Во-вторых, уже сама заявочная кам-

пания — это огромная возможность провести за пределами страны акцию по популяризации и повышению привлекательности города-кандидата, страны в целом как потенциальных ниш развития. В-третьих, для отдельных стран, желающих воспользоваться такой возможностью, гонка заявок — это PR-кампания отдельных спортсменов, политиков, включая даже глав государств, премьер-министров, которые принимают участие в качестве послов заявки в Международном олимпийском комитете.

Не стоит, однако, преувеличивать степень массовой поддержки олимпийской идеи снизу. Если вернуться к истории, то одной из причин восстания Маккавеев в Иудее во II в. до н. э. было чуть ли не поголовное и насильственное привлечение еврейских мальчиков в гимназии, в которых в те времена уже во всю процветал культ спорта, разврата и неприемлемого в тогдашнем

Строительство спортивной столицы на пустом месте, не считаясь ни с какими жертвами, отчасти воспроизводит элементы архетипичной мифологии «петербургостя».

палестинском сообществе, в отличие от эллинов, гомосексуализма. Проводником же олимпийской идеи здесь был не кто иной, как царь Иудей Ирод Великий (сам по себе не такой уж и плохой в действительности царь — оставаясь иудеем, для внешнего мира он стал римским аристократом, покровителем и финансовым спонсором всех сторон эллинистической культуры, за что и был избран пожизненным президентом Олимпийских игр).

Город Денвер (США, штат Колорадо) в 1972 г. был вынужден отказаться от проведения игр в 1976 г., несмотря на то что без труда выиграл право на их проведение. Референдум, состоявшийся по требованию горожан, показал, что большинство жителей Денвера отрицательно относятся к идее Олимпийских игр, считая, что они окажутся слишком обременительными для городского бюджета и нанесут непоправимый ущерб окружающей среде. Последний аналогичный сюрприз только что преподнесли баварцы, выступив-

шие против подачи Мюнхеном заявки на проведение зимней Олимпиады 2022 г. к разочарованию местных властей, полагающих, что Бавария упустила последний шанс принять у себя Олимпиаду. В свою очередь представители «зеленых» уточнили, что результаты референдума не стоит считать протестом против спорта как такового, «нет» было сказано жажде наживы Международного олимпийского комитета. Местная же пресса сочла, что граждане Германии таким образом дали критическую оценку подготовке к зимней Олимпиаде в Сочи. Люди боятся утратить нынешнее благополучное состояние природы в курортном регионе и не одобряют вторжение в нее для строительства спортивных объектов. Внешнеполитическая олимпийская тень пала на Россию еще в 2008 г., когда в первые дни пекинской Олимпиады случились вторжение Грузии в Южную Осетию и последующее «принуждение Грузии к миру». К тому времени начавшаяся почти двумя годами

раньше международная информационная кампания уже завершилась через девять месяцев победой Сочи среди примерно равных претендентов — австрийского Зальцбурга и южнокорейского Пхёнчхана. Некоторые конгрессмены США и тогдашнее грузинское руководство попытались лишить Россию права проведения Олимпийских игр, а затем выступили за их бойкот. Идея бойкота в той или иной форме реанимировалась, в частности, в связи с законом о противодействии гей-пропаганде усилиями британского актера и писателя Стивена Фрая. Однако Международный олимпийский комитет не поддержал эти инициативы. Следующим рекордом Сочи стала невиданная ранее дороговизна, превзошедшая даже самые затратные летние Олимпийские игры в Пекине. По разным системам подсчета Олимпиада стоит от 15 до 50 миллиардов долларов США, тогда как стандартная стоимость проведения зимних Олимпиад в последние годы колебалась вокруг 2 миллиардов долларов.

Если всю лондонскую Олимпиаду 2012 г. подготовила организация, насчитывавшая 32 человека, то количество од-

них только ведомств государственной корпорации «Олимпстрой» — 40, число одних только личных водителей ведомства больше, чем британских организаторов. Видимо, такой рекорд структурной громоздкости устанавливался ради удобства распилов и откатов. Строительство спортивной столицы на пустом месте, не считаясь ни с какими жертвами, отчасти воспроизводит элементы архетипичной мифологии «петербургостоя». Знаменательна в этом отношении деятельность Санкт-Петербургского государственного гидрологического института, сотрудники которого смоделировали на своих площадках одну из самых бурных сочинских рек, омывающих объекты будущей Олимпиады, — реку Мзымта (по одной из версий перевода с черкесского — «бешеная»). В масштабе один к восьмидесяти воспроизведены все изгибы, повороты, особенности берега и препятствия в русле и на дне ее четырехкилометрового участка, который напрямую омывает спортивные объекты будущих Олимпийских игр. Модель позволяет оценить все возможные размывы при паводках, вероятность затопления мостов и других — еще не построенных — объектов будущего города, где пройдут Олимпийские игры 2014-го. Масштабные, в ускоренном темпе переселения сочинцев в пансионаты в качестве временного жилья (а порой и в палатки) в ходе строительства объектов и дорог, несмотря на определенный рост социальной напряженности, не вылились здесь в массовые протесты. Впрочем, петиция с требованием расследования деятельности губернатора Краснодарского края Александра Ткачева, сохранившего свой пост после кушевского беспредела и теперь под громом фанфар занявшегося строи-

тельством дач себе и родственникам в заповедной зоне, набирает все больше голосов.

Олимпиада усилила внутрирегиональное противоречие по линии «кубанцы» и «черноморцы». Краевые власти, их ставленники в Сочи, краснодарские бизнесмены воспринимаются, по наблюдению социолога Ивана Климова, как «псы Москвы»: федеральная власть не хочет напрямую брать на себя ответственность за конфликт с населением Сочи, поэтому использует краснодарскую администрацию, которой дала значительную самостоятельность в делах и пообещала закрывать глаза на ее действия — ради Олимпиады. «Кубанцам» противопоставляется «черноморская этика». Ее основные компоненты — знание местных условий, более внимательное отношение к экологии и природным ресурсам, ответственность за обустройство территории, гостеприимство, умение ценить приезжающих туристов, широкий взгляд в будущее сквозь призму обязательств перед туристами. Особый ее компонент — наднациональность, в отличие от кубанского казачьего национализма. В Сочи более развита именно гражданская идентичность. В какой-то степени противостояние Сочи и Краснодар воспроизводит историческое противостояние Петербурга и Москвы.

Конечно, главной угрозой остается политический террор, в частности, террористическая группа «Имарат Кавказ» во главе с бывшим президентом самопровозглашенной Республики Ичкерии Доку Умаровым. В июле 2013 г. он заявил о необходимости срыва Олимпиады-2014 в Сочи и об отмене моратория на проведение терактов на территории России, призвав боевиков использовать все возможные для этого методы.

Террор в России изменился с появлением качества «спортивного интереса» (как будто бы террора для самого себя). В басаевские времена были требования: вывод войск, независимость Ичкерии. Но эти надежды разбились в Беслане. Писатель Игорь Караулов пытается расставить акценты так: «Горькая цена была заплачена за ясный жест власти: шантаж не пройдет, принцип территориальной целостности незыблем. И с тех пор как отрезало: ни одного захвата заложников, зато время от времени раздаются молчаливые безжалостные взрывы. После Беслана вменяемой политической цели у ваххабитского террора не было. Осталась только месть за проигранную войну, только ненависть. Но ненависти хватает и вне Кавказа, и вне ислама. Кто-то ненавидит страну, кто-то ненавидит власть, кто-то ненавидит мир и людей в целом. Так исторически сложилось, что на Кавказе этих ненавистников найти легче, да и радикальный ислам — испытанная организационная и идейная машина. Люди, зараженные ненавистью, знают, куда идти. Так появились “русские ваххабиты”, и их роль в подполье, кажется, постоянно растет. Террор постепенно отделяется от своей племенной основы, приобретает универсальное звучание».

За Сочи в разных формах была заплачена слишком дорогая цена, чтобы Олимпиаду бойкотировать. Сочинская пиар-победа состоялась — независимо от собственно спортивных достижений, малосущественных для действительного здоровья народного организма. Думаю, действительной победой для России она может быть лишь в том случае, если станет началом не ритуального, а системного «очищения» от коррупции в России.